

The background of the poster is a dark, atmospheric photograph. On the left, a doorway is open, revealing a warmly lit interior. In this room, a window looks out onto a city at night with glowing windows. A small table with a cup and a radiator are visible. A patterned rug covers the floor. On the right, the dark room has floral wallpaper and a light switch. A hand is seen reaching towards the switch. The title is overlaid in large white text.

Морена Морана
ТОЛЬКО
не
ВЫКЛЮЧАЙ
СВЕТ

Морена Морана

Только не выключай свет

<https://litres.ru/74448037>

SelfPub; 2026

Аннотация

Девяностые. Девочка Марина растет в обычной городской квартире с матерью и дедом, который обладает настоящими колдовскими способностями. В семье все время происходит какая-то бытовая чертовщина, и Марина начинает подозревать, что является ее источником. В городе тем временем начинают исчезать дети, и только Марина способна обнаружить следы, которые ведут в темноту...

Морена Морана

Только не выключай свет

- У Петровых дочка пропала! Четвертый ребенок уже за этот месяц. У нас милиция вообще есть?! Или только для вида числится? – бухтела мама, накладывая мне борщ.

Она шмякнула в тарелку ложку сметаны, да так агрессивно, что красные горячие брызги полетели мне в лицо. Мама взяла вонючее кухонное полотенце и вытерла брызги, не обращая внимания на мои гримасы.

Новость об исчезновении девочки явно нервировала ее и заставляла переживать. Она не говорила об этом вслух, просто начинала все делать зло и раздражительно, даже резать хлеб или мыть посуду.

- Ну, скажи что-нибудь! – обратилась мама к деду, размахивая половником словно оружием.

Дед на минуту задумался, не выпуская из рук ломоть хлеба. Он был похож на математика, который что-то прикидывает в уме.

Наконец, закончив невидимые расчеты, он веско сказал:

- С дочкой Петровых все в порядке. Она у подружки, у той как раз мама в командировку уехала. Придет сегодня. Петровы бы лучше думали, как отношения с ребенком наладить, а не раздували панику!

- Ты *уверен*? – с прищуром спросила мама, и половник в ее руке словно обмяк, снова превратившись из грозного оружия в кухонную утварь.

- Уверен! – сказал дед. И безмятежно принялся хлебать борщ, обильно посыпанный свежей зеленью.

- Красота! И борщ чудесен, и хлебушек! Пища богов! Не то, что в детстве, когда мы бараньи кишки ели... – приговаривал дед после каждой ложки.

Люди почему-то думают, что если твой дедушка – колдун, то он должен жить в избушке на курьих ножках. Или в заброшенной деревне, в доме с покосившейся крышей без удобств. А еще – что к нему должны приходить «клиенты», заказывающие всякие привороты и прочие гадости. Какая пошлость!

Как правило, никто из этих платных «колдунов» не знает своего дела всерьез. Одни из них хорошие психологи, другие нахватались чего-то по верхам, третьи вообще откровенные шарлатаны. Настоящие способности не требуют гром-

кой рекламы. А их обладатель может спокойно проживать в обычной советской «трешке», пользоваться водоснабжением и отоплением и даже носить пиджак.

Ведьма или ведьмак в покосившемся от ветхости домишке и со старым котом – это такой же стереотип, как художник в берете. Надеть-то можно какой угодно берет, только способностей от этого не прибавится. Вот они могут угадать, в каком именно часу пропавшая девочка придет домой от подружки. А мой дедушка мог. Я видела такое много раз.

Мой дедушка вообще был до мозга костей интеллигентным городским человеком. Правда, с некоторыми странностями, доводившими до кипения его семью. То есть нас.

Родные вообще до сих пор уверены, что он был с легкими отклонениями в голове. Но это и понятно. Правильно оценить размах и масштаб дарования может только другое дарование, а с этим везде проблемы. Дар, как и болезнь, передается не каждому в роду, а может вдруг исчезнуть и возникнуть через поколения. Это осложняет дело. У нас – осложняло, по крайней мере.

Нас в трехкомнатной квартире жило трое. Я, мама и дедушка. Отец мой пропал без вести когда я была еще совсем маленькой, просто сгинул в мрачных девяностых. А бабушка ушла из дома после моего рождения – официальная версия заключалась в том, что дед как раз примерно в ту пору начал чудить. Но из нашей жизни она никогда не исчезала – налетала на квартиру вихрем время от времени и сметала

все на своем пути.

Энергичная, сбитая, она неизменно сбрасывала деловой костюм, натягивала халат, повязывала на волосы косынку, и начинала что-то мести, стирать, готовить... Хозяйничать, распространяя шум и хаос во всех комнатах одновременно, как будто в наших владениях появился сразу десяток перфораторов, летающих на метле.

Все остальное время мы тихо сидели по комнатам и вполне мирно уживались с дедовыми заскоками. Особенно до тех пор, пока он не начинал что-то поджигать или вываривать. Этого мама, у которой вообще не было по жизни никаких особых способностей, кроме сверхчувствительного к неприятным запахам носа, снести не могла.

– Убери это немедленно, я кому сказала! И не смей больше учить ребенка всяким гадостям!

Мама кричала на дедушку, кричала, что разменяет квартиру или врежет замок, отделяющий наши владения от его подозрительной комнаты.

Дедушка только тяжело вздыхал и что-то ворчал себе под нос, собирая сушеных тараканов, которых мама разметала по столу в гневе. Дедушка брал их по одному с изрезанной ножом клеенки и клал обратно в жестяную банку из-под индийского чая, где они лежали всегда. Как в других семьях – пуговицы.

Несмотря на распахнутые настежь окна, терпкий запах сожженных на свече трав не выветривался.

– Это дурдом какой! Просто дурдом! – мама лихо хлопнула дверью комнаты, которую мы называли залом, да так, что даже висюльки на люстре задрожали, и предложила подождать, пока дедушкино колдовство не выветрится.

Она резко сунула мне в руки плюшевого медвежонка, агрессивно погладила по голове, а сама подскочила к двери, высунула голову и снова заорала:

– И не смей прокалывать фотографиям глаза! Весь фотоальбом мне испортил.

– Не сердись, Кать, я не все фотографии портил, а только Трифонихи. Она недоброе замыслила, вот увидишь, я ее сдерживаю. Потом сама узнаешь, это сложно объяснить...

– А тухлое мясо? По всему дому воняет тухлятиной. Достал!!!

Перебранка на повышенных тонах постепенно переходила в фоновое вечернее ворчание, сливающееся с шумом дождя.

Я сидела на подоконнике в своей комнате, в темноте, и смотрела в окно. Темную мокрую улицу разбавлял слабый свет фонарей. На улице мало что было видно, поэтому я долго следила, как ездят туда-сюда редкие машины. Иногда они тормозили, и тогда улица противно взвизгивала. Иногда начинался и прекращался дождь, громко барабана по карнизу. Мочил улицу и снова смолкал, уступая тишине. Но вдруг я услышала громкий и испуганный женский голос.

– Нет, пожалуйста, нет! – кричала женщина.

Мне стало не по себе. Одно дело – кричащая на деда мама. Другое – эта женщина за окном. Что-то было не так. Что-то случилось очень плохое – я просто это знала.

– Нееет! Прости меня, прости! – умоляла женщина снова и снова.

Голос стал громче, сменившись вдруг резким «Помогите!».

Незнакомка снова и снова звала на помощь. Я бросилась к маме: нужно бежать спасать жертву, нужно вызвать милицию. Но мама, только остывшая от ссоры с дедушкой, махнула на это рукой. Сами разберутся, сейчас времена такие, лучше не вмешиваться.

Женщина кричала долго. Я напряженно вглядывалась в ночную мглу, пытаюсь понять, что там происходит. Но не было видно даже легкой возни. Видимо, экзекуция происходила где-то в кустах. И даже проезжавшие машины не думали останавливаться, ни разу за это время не взвизгнули тормоза. Женщина последний раз крикнула и затихла.

Я снова побежала к маме: давай вызовем милицию. Мама устало подошла к телефону, сняла трубку и вяло сказала:

– Алло, милиция? Приезжайте, у нас тут ЧП. Улица Ленина, да.

И повесила трубку. При этом я видела, что она и не думала набирать номер... Не крутила колесико.

Я решила, что кто-то все-таки вызвал милицию – ведь столько окон светилось вокруг, а значит, люди не спали, и все

слышали. И что милиционеры на следующий день будут ходить и всех опрашивать, записывая данные в особый блокнотик. И я, которая все эти крики запомнила, стану ключевым свидетелем, мы покараем злодея. Но ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю никто не пришел. Всем было плевать. Взрослые люди вокруг были будто одурманены каким-то тяжелым сном, и даже самые отчаянные крики не могли их заставить проснуться.

Дальше жизнь продолжалась как обычно. Мама весело вываривала испортившийся творог, спорила с дедом, можно ли есть засахарившееся варенье, накупила самоклеющихся пленок с котятами, которые развесила по своей комнате, сделав ее похожей на аляповатый школьный пенал. На картинке котята были изображены рядом с конфетами и пирожными.

Получался странный контраст между роскошной едой на картинках и скромным завтраком из переработанного творога и забродившего варенья. Поэтому, стоило маме отлучиться, я пробралась к бабушке в комнату и вытащила пригоршню печенья из его алтаря.

Нет, для обычных людей, понятное дело, наличие в доме алтаря – это какая-то экзотика. Но в детстве воспринимаешь все иначе. И если у твоих родных есть какая-то странность или дикость, то считаешь ее нормой. И думаешь, что так у всех.

Например, у деда был такой железный крокодил для колки грецких орехов. И я думала, что крокодилы есть в каждой

семье, а теперь у меня нет ничего подобного – орехи продаются уже очищенными. Или вот резкий запах мыла из шкафа – я давно уже нигде не ощущала его, моль как будто покинула наши дома, а в детстве считалось нормой. Или вот этот алтарь...

Он был установлен на коробке с маленькими крекерами в виде рыбок. Очень вкусными. Если забыть, можно было съесть их очень много, а потом еще долго облизывать пальцы, пытаясь продлить удовольствие.

Я научилась подтаскивать их незаметно. Легко сдвигала железную вазу с сухими травами, аккуратно переставляла статуэтки черных богов. Если видела кокон, сооруженный из трупиков тараканов, гнилого мяса, красного перца и паутины – не нервничала.

Это же просто дедушка и его причуды. Усталый, ворчливый, но в целом довольно благодушный дедушка. Говорят, у него в роду были ведьмы. И что они нажили своим ремеслом несметное состояние, а в их бывшем доме теперь заседает правительство. Жаль только, что в советское время дедушкина родня уничтожила все напоминания о своих богатствах, видимо вместе с воспоминаниями о колдовских способностях. Но это же дела давно минувших дней. Что он может сделать плохого? Ну, выкалывает иногда фотографиям глаза. Но он только за дело. А чего они недоброе замышляют?

Ну, с тараканами возится. Но и это не удивительно. Лет тридцать назад почти в каждой квартире жили тараканы. Вывести тараканов было очень сложно – рано или поздно насекомые вырабатывали стойкость к яду. Из нескольких оставшихся в живых особей вырастало новое поколение насекомых, и все начиналось сначала. Это мучительный цикл.

Тараканы захватывают жилище сразу, а действуют хитрее. Сначала они появляются только ночью, боязливо прячась за предметами. И сначала, пока их мало, тебе кажется, что тебе показалось. Потом скрывать от себя правду уже не выходит: рано или поздно один из них не успеет спрятаться, и погибнет, прибитый тапкой. И вот ты празднуешь победу – а зря. Потому что именно в этот момент тараканы начинают наглеть. И уже не стесняются бегать прямо под ногами.

Сначала они реагируют на включенный свет, и бросаются врассыпную. Но с каждым днем страха становится все меньше. Захотела, допустим, мама ночью попить из носика чайника. Но нет тут-то было. Вместе с водой в рот устремляются насекомые, и бегают там своими маленькими лапками.

С каждым днем все становится только хуже. Сначала они перестают от тебя бежать, потом изучают тебя, нагло глядя в глаза и шевеля усами. А потом начинают выживать тебя из собственного дома. Так, по крайней мере, говорила мне

бабушка.

В самых жутких случаях тараканы вообще становятся воинственными. Сидят повсюду шевелящейся плотной стеной. А смахнешь их – через минуту займут прежние позиции. Мол, выметайся отсюда сам.

У старухи Трифоновой были именно такие тараканы. Воинственные, агрессивные. Когда вся опухшая от самогона, заплывшая и пропитавшаяся запахом помойки и перегара Трифониha открывала входную дверь, их орды вырывались на лестничную площадку вместе с затхлым воздухом помойки.

Соседи много раз писали на нее жалобы в разные инстанции. Но никакого эффекта это не имело. Даже повинившись перед соседями, старуха вскоре опять бралась за свое. Через пару недель, в крайнем случае месяцев, Трифониha снова обрастала собутыльниками, тащила в дом всякую дрянь из мусорных контейнеров, сортировала в квартире найденные там же объедки. И этого было достаточно для того, чтобы полчища тараканов появились вновь.

Говорили, что Трифониhe по паспорту всего 43 года, и что еще несколько лет назад она была красавицей, перед которой штабелями стелились мужики. Что за ней даже бегал моло-

дой сын одной из соседок. И та все стыдила и стыдила Трифонику: мол, не отстанешь от него – наведу на тебя такую порчу, что сама меня придешь о смерти молить. А гордая красавица только хохотала в ответ. Но сейчас ничто в этой опустившейся, несчастной и совершенно безобразной женщине даже не намекало на ее благополучное прошлое.

Трифониха появлялась повсюду или пьяной, или с бутылкой горячительного. Ее пытались стыдить, а она только отмахивалась: а как мне в аду жить? Вы видели, сколько у меня тараканов?

Так ты потрави, говорили ей. А она только вздыхает: этих не потравить. Эти хитрые. Этих можно только передать.

Однажды я видела, как она сидела на лавочке, всклокоченная, и лупила себя по щекам:

- Прочь, прочь из моей головы...

Мне показалось, что из носа ее в это время тоже выполз один таракан и забегал по лицу. Но это было так омерзительно, что я не смогла рассмотреть подробнее.

Словом, никому не известно, пила Трифониха из-за тараканов, или тараканы были у нее из-за пьянки, но все это вместе сомкнулось в какой-то проклятый круг, внутри кото-

рого эта несчастная женщина, почти полностью потерявшая человеческий облик, пыталась существовать.

Дедушка всегда говорил: ничего у нее не бери, ни под каким предлогом. Ни конфетки, ни заколки, ни денег, никакого угощения. А я тогда думала еще, что я бы и сама ничего у нее не взяла. Противно. Ну как он себе это представляет – я и бабка с тараканами.

А однажды шла из школы, и вижу – белый пушистый котенок, надрывающийся от писка комочек. Такой мииииленький, ползет, пищит, глазки голубые.

Я хотела подойти, погладить, а котенок убежал.

На следующий день иду из школы – а он снова выбегает мне навстречу. И кусты рядом шевелятся, будто спрятался в них кто-то.

А на следующий день смотрю – стоит Трифониха с котенком на руках.

Хочешь погладить, говорит? Или я себе заберу, мне мышей ловить надо.

Ну, думаю, кошмар, у нее в квартире еще и грызуны за-

велись.

И так мне этот котенок понравился, так хотелось его от этой грязной пьяницы спасти... Я протянула руку, опасливо так. Беру под лапки осторожно. А у Трифонихи будто весь хмель вдруг слетел, она глазами сверкнула хищно, и вдруг прямо пихает мне котенка: бери, бери...

А у меня в голове вдруг дедушкин голос каак звучит: мол, ничего у нее не бери. И я понимаю – это ловушка. Хочу бежать – ноги ватные. Я хочу закричать – и не могу, слова застревают в горле. Только вижу, как из носа у Трифонихи выползает, шевеля усами, рыжий таракан. Ползет по лицу, спускается ниже, и ползет по руке, ко мне.

И вдруг рука моя сама отдернулась, словно чужая. И сила появилась в ногах, и голос. Я как побегу домой со всех сил, сердце колотится, аж выскочить из груди готово. Дедушка в тот день встретил меня особенно озабоченным взглядом, но так ничего и не сказал. С Трифонихой потом только поругался жутко, чуть не вцепились друг в друга.

С дедушкой у нас были странные отношения: не слишком близкие, но он будто видел во мне что-то, какой-то талант. Обычно он просто сидел в своей комнате и смотрел телевизор: маленький приемник с длинной антенной, по которому вечно показывали серую рябь. Иногда читал какие-то потре-

паннные книжки, будто отпечатанные самостоятельно на печатной машинке, подчеркивая ручкой или длинным желтым ногтем важное. Но если застать его в благодушном настроении, мог чему-нибудь поучить. Рисовать, например, или во-рожить слегка.

– Видишь монетку? – дедушка положил передо мной пя-тачок.

Я видела, ну и что?

– Сосредоточься на ней. Твоя задача – несколько минут думать только о монетке. В остальном – полное безмыслие. Учись слушать безмыслие. Поняла?

Я не очень понимала, о чем, но старалась.

Я сосредоточилась, и все мои силы будто оказались внут-ри этой монетки. В этот момент мне показалось, что она ме-еедленно приподнялась в воздухе.

– Старый черт, опять весь унитаз своей бумагой забил! – редела мама.

Я дернулась. Монетка упала.

– Ну это не просто бумага, это надо было уничтожить, это опасное. Ты просто не понимаешь пока, вы все не понимаете. Ну разве что кроме Марины. Марина, та может... В мою породу... Только маленькая еще...

– Так и выкинул бы на помойку свои чертовы свитки. А теперь у нас унитаз превратился в вулкан. Сам свою бумагу и доставай! Вот потому у меня до сих пор и нет мужика!

Дед отложил кокон, который внимательно рассматривал

до этого, покорно вздохнул и пошел смотреть на катастрофу в унитазе. Унитаз был действительно полон воды, а на поверхности плавали листья плюща, которые мама безуспешно пыталась смыть.

Помимо колдовских дел, дедушка увлекался цветоводством. Я не знаю, заговаривал ли он плющ, или он рос таким сам по себе. Но постепенно небольшое растение, чей корень находился в малюсеньком горшочке, заполонило собой весь коридор. Дедушка протянул ему веревки, и живая стена листьев была повсюду – на шкафу, на зеркале, полностью закрывала стены. Иногда некоторые листья падали на пол, и маму это очень бесило. Она неоднократно покушалась на плющ, и даже брала в руки ножницы. Но дедушка почему-то в ту же секунду оказывался рядом.

Крик продолжался, я ушла к себе в комнату и спряталась под одеяло, закрыв уши руками.

И сидела там, не шевелясь, столько, сколько могла. Когда я вылезла, мама уже ушла лечить нервы в ближайшую кондитерскую. Ей казалось, что жизнь буквально наказала ее таким отцом, таким мужем, испортившимся творогом и сомнительным мужским контингентом вокруг. Мне же окружающая реальность казалась даже уютной. И очень интересной.

– А это кто? – спрашивала я у дедушки, косясь на очередную темную фигурку. Не знаю даже, где он их брал. Маме и бабушке казалось, что они страшные.

– Это... Ну... проводник.

– А кто такой проводник?

– Это вещь, которая помогает тебе раскрыть свой дар. То есть сильному колдуну он не нужен, но вообще помогает сосредоточиться. Ты можешь держать его в руках, сосредотачиваться на нем, делать подношения. Но на самом деле ты говоришь с самим собой. Понимаешь?

– Наверное.

– Не наверное, а точно. Предметы тут вторичны. Есть твоя мысль. Она должна пробивать любые стены. Вот, например, давай попробуем проникнуть мыслью к соседям сверху. Хотя нет, к ним не надо. Не смей туда ходить, слышишь?

Я и не собиралась. Соседи сверху мне совсем не нравились. От них вечно доносились крики и шум. И прекратить это безобразие не было никакой возможности. Там жила какая-то вечно пьяная старушенция и ее сын – мент. Поэтому соседи считали, что милицию на их разборки вызывать бесполезно.

Парень, тот самый, что раньше, по рассказам соседей, бегал за Трифониной, вдруг резко начал спиваться. И до того допил, что не только зазнобу свою бывшую, но и себя забыл. Ходил постоянно с какими-то пустыми, мутными глазами. Огромный, словно великан, и совершенно потерянный. Эта растерянность временами сменялась приступами ярости. И тогда он жестоко колотил мать.

И проникать я к ним не собиралась. Это они проникали ко

мне: своими звуками. Я понимала, что они дерутся. Сначала начинается беготня, потом кидаются предметами.

Но вот этажом ниже проникнуть можно. Там живут...

Мои размышления были прерваны появлением бабушки. Бабушка, с волосами, убранными под легкую косынку и в одной комбинации, вооруженная веником, пыталась иногда убирать в дедушкиной комнате. Причем с его идолами она вела себя крайне недружелюбно.

В тот раз, застав меня с этим несчастным черным богом в руках, она долго возмущалась!

– Слава, ты же коммунист всегда был! – кричала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.